

„Кладбище“.

(Очеркъ М. Горькаго).

Въ февральской книжкѣ „Современника“ будетъ напечатанъ новый рассказъ М. Горькаго „Кладбище“.

„Пролодящій“, отъ имени котораго ведетъ рассказъ, заснулъ на кладбищѣ и былъ разбуженъ страннымъ старикомъ съ воинственно закрученными вверхъ толстыми, бѣлыми усами. Завязался разговоръ. Старикъ поднялъ руку и, указывая на бѣлый камень памятника, громко прочиталъ:

„Подъ симъ крестомъ погребено тѣло раба Божія, по-теннаго гражданина Дюмида Петровича Усова“. И—все!.. Ничего не умѣютъ сказать о человѣкѣ,—рабъ Божій, только! Но почему рабъ удостоенъ гражданами почета?.. Такъ—вельзя! Этимъ обнаруживается дикарство, невниманіе къ человѣку, къ жизни...

Старикъ представился. Онъ оказался поручикомъ въ отставкѣ, домовладѣльцемъ, вдовцомъ.

— Я,—недоволенъ кладбищами!—продолжалъ онъ.—Недоволенъ всюду и вездѣ... Вслушайтесь: кладбище! А?.. Клады бы искать надо здѣсь! Клады разума, сокровища науки. А что я нахожу—съ? Обида и позоръ. Всѣмъ—обида! „Всѣмъ жити крестъ яко яремъ вземши“ обижены нами, а за это будете обижены вы, буду обиженъ я. Поймите: „крестъ, яко яремъ вземши“ обижены нами, и что жизнь—трудна и тяжела? Почтите же достойно отжившихъ—они ради васъ несли при жизни бремя и яремъ,—ради васъ! А эти тамъ не понимаютъ... Посмотрите, развѣ это памятники? Что они напоминаютъ вамъ и мнѣ? Ничего. Это не памятники, а паспорта, свидетельства, выданныя чешовѣческой глупостью самой себѣ. Подъ симъ крестомъ—Марья, подъ симъ—Дарья, Алексѣй, Евсей, всѣ рабы Божіи и—никакихъ особыхъ признать! Это—безобразіе, здѣсь людей, отжившихъ трудную жизнь, лишили прѣжизненнаго образа, а его необходимо сохранить въ поученіе мнѣ и вамъ. Образъ жизни всякаго человѣка—поучителенъ, могила, часто, интереснѣе романа, да-съ? Вы,—понимаете меня?..

— Не совсѣмъ...

Онъ шумно вздохнулъ.

— А это—просто понять... Я хочу, чтобы ничто, достойное вниманія, не исчезало изъ памяти людей. А въ жизни—все достойно вашего вниманія. И—мало! Жизнь не достаточно уплотнена, и каждый изъ насъ чувствуетъ себя безъ опоры въ ней именно потому, сударь мой, что мы невнимательны къ людямъ... У насъ, на Руси, никто не знаетъ, зачѣмъ онъ родился, жилъ, померъ—какъ всѣ! Но—зачѣмъ?.. Напишите на крестѣ, надъ могилой умершаго всѣ дѣла его и всѣ заслуги, пусть онѣ ничтожны, но—покажите себя умѣющимъ найти хорошее и въ ничтожномъ. Теперь вы поняли меня?.. Надо сдвинуть людей тѣснѣе, чтобы жизнь уплотнилась! Не забывайте ушедшихъ! Все поучительно, все полно глубокаго смысла въ жизни рабовъ Божіихъ... такъ-то-сы!

Поручикъ говорилъ, а предъ умственнымъ взоромъ „Пролодящаго“ проносились картинки подлинной жизни, подлинныхъ человѣческихъ отношеній.

Сосѣдъ, Ираклій Вырубовъ, сидитъ у воротъ на завалянкѣ, скосивъ похотливые глаза влѣво, гдѣ расположилась пышная, волоокая кружевница Ежова. Она бранитъ своего мужа. Вырубовъ старается ей польстить. Но въ разговоръ вмѣшивается его сожительница, и женщины обливаютъ другъ друга грязными ругательствами...

...Въ тишинѣ кладбища рѣзко прозвучалъ капризный женскій голосъ:

— А я говорю—налѣво!

— Танечка, ну, какъ-же...

— Забыли!—проворчалъ старикъ.—Забыли, гдѣ лежитъ родной или знакомый... („Мос. Гав.“)